

УДК 316.023

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3

Дашибалова И. Н.

Идентификационные общности и интеграционные
установки жителей Бурятии

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
улица Сахьяновой, дом 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
imbt@imbt.ru

Аннотация. *Актуальность* исследования идентификационных общностей в регионах России обусловлена усилением процессов этнонациональных, социокультурных, территориальных идентификаций населения на фоне формирования общегражданской идентичности россиян. В эмпирических социологических исследованиях, проводимых на территории Российской Федерации, представлены проблемы и противоречия соотношения российской и региональной идентичностей. Вместе с тем, как показывает корпус работ, посвящённых данной тематике, недостаточно освещён весь спектр идентичностей населения конкретного региона. *Предметом исследования* стали уровни идентичностей населения Республики Бурятия, сравнительный анализ общероссийской, региональной, этнической идентичностей в ситуации социально-экономического кризиса в регионе. *Цель публикации:* раскрыть соотношение и доминирующую роль того или иного типа идентичности жителей Республики Бурятия в меняющихся условиях, описать факторы, воздействующие на тип идентичности в зависимости от этнонационального статуса, территориальной принадлежности. *Методологической базой* исследования являются институциональный и сравнительный подходы. На основе проведённого в 2018-2019 гг. эмпирического исследования «Межнациональное согласие в Республике Бурятия в изменяющихся социально-экономических условиях» было изучено 900 респондентов в г. Улан-Удэ и районах республики. *Объектом исследования* стали возрастные группы от 19 до 60 лет и старше. Использованы методы массового опроса (анкетирование) и экспертного опроса (24 глубинных интервью). Участниками экспертного опроса являлись работники сферы образования, некоммерческих организаций, научные сотрудники, руководители центров национальных культур. *Новизна исследования* состоит в раскрытии специфики региональной идентичности различных поколенческих групп. *Результаты исследования* позволят федеральным и региональным органам власти регулировать межэтнические процессы и формировать устойчиво положительную территориальную идентичность жителей Республики Бурятия. *Выводы исследования* заключаются в том, что этническая идентичность, занимающая срединное место в диспозициях идентичностей, является индикатором общероссийских интеграционных процессов и устойчивой базисной солидарностью жителей Бурятии.

Ключевые слова: социальная идентичность; типы идентичностей; дискурс идентичности; гражданская идентичность; российская идентичность; этническая идентичность; территориальная идентичность

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.), № 121031000243-5).

Информация для цитирования: Дашибалова И. Н. Идентификационные общности и интеграционные установки жителей Бурятии // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 2. С. 28-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3.

Research article

Irina N. Dashibalova

Identity communities and integration attitudes sitisents of Buryatia

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS)
bld. 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, Russia
imbt@imbt.ru

Abstract. The relevance of the study of identification communities in the regions of Russia is due to the strengthening of the processes of ethno-national, socio-cultural, territorial identifications of the population against the background of the formation of the general civil identity of Russians. In empirical sociological studies conducted on the territory of the Russian Federation, the problems and contradictions in the relationship between Russian and regional identities are presented. At the same time, as the corpus of works devoted to this topic shows, the entire spectrum of identities of the population of a particular region is insufficiently covered. The purpose of the publication: to reveal the relationship and the dominant role of one or another type of identity of the inhabitants of the Republic of Buryatia in changing conditions, to describe the factors affecting the type of identity, depending on the ethno-national status, professional and territorial affiliation. The research methodology is based on institutional and comparative approaches. Based on the conducted in 2018-2019. empirical research "Interethnic consent in the Republic of Buryatia in the changing socio-economic conditions" studied 900 respondents in Ulan-Ude and regions of the republic. The object of the study was age groups from 19 to 60 years old and older. The methods of mass survey (questioning) and expert survey (24 in-depth interviews) were used. The participants in the expert survey were educators, non-profit organizations, researchers, heads of centers of national cultures. The novelty of the research lies in the disclosure of the specifics of the regional identity of various generational groups. The research results will allow federal and regional authorities to regulate interethnic processes and form a consistently positive territorial identity of the residents of the Republic of Buryatia.

Keywords: social identity; civic identity; ethnic identity; Russian identity; territorial identity; Republic of Buryatia

Acknowledgments: Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Intercultural Interaction (17th-21stCenturies), № 121031000243-5.

Information for citation: Dashibalova, I. N. (2022), "Identity communities and integration attitudes sitisents of Buryatia", *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 28-38. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-3.

Введение (Introduction). Концепции идентичности имеют богатую традицию в западной социологической и социально-психологической теоретической мысли. Изучение социальной идентичности является одной из центральных идей рассмотрения позиционирования индивида в социальном пространстве и осмысления им своего места в нем. Теории идентичности объясняют становление, изменение идентичности и ее множественность (Stets, Serpe, 2013).

Рефлексивные представления о том, «кто я?» и «кто мы?» встраивают индивида в социальные структуры, которые предписывают конкретные социальные роли и поддерживают тем самым социальный порядок. Взаимодействие с себе подобными на основе признаков территориальности, этничности, пола, политических пристрастий закрепляет статус, предопределяет коллективную идентичность и дает ключ к пониманию межгрупповых конфликтов (Eisensdat, Giesen, 1995).

Проблема современной идентичности обусловлена ростом индивидуализации, снятием границ социальных институтов и сложностью выбора профессии, обретения социально-экономических диспозиций, политических и религиозных ролей в меняющихся условиях (Marc, 2009).

Дж. Фридман обосновывает понимание современной эпохи как эпохи «глобального усиливающегося беспорядка», вызванного распадом традиционных коллективных моделей модерна и возникновением новых структур идентичности (Friedmann, 1993).

Активную интеллектуальную дискуссию в последние годы вызвала публикация Р. Брубейкера и Ф. Купера «За пределами идентичности». Авторы справедливо отмечают, что данное понятие расширило свои толковательные границы до предела многозначности: «если всё есть идентичность, то её нет вообще», однако потребность в концептуализации «всех соотношений и связей, всех форм принадлежности, всех инстанций общности, привязанности и

сплоченности, всех аспектов самопонимания и самоопределения в идиоме «идентичности» включает нас в рамки прямых, негибких и ограниченных понятий» (Brubaker, Cooper, 2000; Brubaker, 1996).

Дискурс идентичности включает изучение гендера, гражданства, расы, религии, этничности, миграции, культурных течений и как демонстрируют исследования, разнообразие идентичностей множится с каждым днём в текучей современности (Bauman, 1992).

Э. Борнман считает, что нельзя не учитывать воздействие информационных технологий на изменение коммуникационной среды индивида и формирование новых типов идентичностей (Bornman, 2003).

Возвращаясь к исследованию Р. Брубейкера и Ф. Купера, согласимся с их выводом, что в настоящее время наличествуют как «сильные», так и «слабые» идентичности. «Сильные» идентичности укреплены в традициях, конкретных жизненных практиках, а «слабые» подвержены текучести (Brubaker, Cooper, 2000).

В отечественных теоретических и эмпирических социологических исследованиях, посвящённых изучению содержания и структуры идентификационных процессов, на протяжении нескольких десятилетий сохраняется неослабевающее внимание к социальной идентичности и современным идентификационным характеристикам россиян (Дробижева, 2014). Как считает С. Г. Климова: «Социальные идентичности и контриденности составляют систему координат, в которой находится социальная позиция индивида. Такая идентичность – это отождествление человеком себя с некоторой общностью, определение того, кем «на самом деле» он является. Чтобы сделать такое заключение относительно самого себя, человек должен иметь представление о более и менее близких группах, составляющих общество, по каким правилам они живут, как к ним следует относиться» (Климова, 2000: 14).

Сама типология и уровни идентичностей достаточно разнообразны по разным

основаниям: индивидуальная и групповая; позитивная, успешная, негативная, кризисная; Я-идентичность, социальная идентичность; формирующаяся, незавершённая, достигнутая; статусная, ролевая, профессиональная, корпоративная, политическая, культурная, этническая, историческая, национальная, гражданская, патриотическая, территориальная, религиозная, виртуальная, сетевая, возрастная, гендерная, половая, расовая; ускоренная, запаздывающая, ситуационная, демонстративная; формальная и неформальная; несформированная, утраченная и другие (Ковалёва, 2019). Как видим, концепт идентичности представляет множественный феномен, так как индивид включён в самые различные социальные группы, институции и общности. В связи с исследовательским проектом нас в большей степени интересует социальная идентичность и её типы: гражданская, региональная и этническая.

Гражданская идентичность солидаризирует чувство общности среди граждан конкретной страны. Интеграция сообщества происходит на базе символов национального государства и отождествления индивидов с людьми и событиями, происшедшими (происходящими) в нем, а также ориентации на общие социальные ценности. В отличие от категорий гражданское общество и политическая идентичность, гражданская идентичность затрагивает все слои общества, включает механизм централизации всех идентификационных общностей с опорой на идеологию. По мнению В. А. Ядова данная форма идентичности является конструируемой, так как группа «мы – граждане» опосредована массовой и межгрупповой коммуникацией и представлена «в сознании индивидов, не столько из собственного опыта, сколько из интерпретаций, предлагаемых СМК, или из общения с людьми» (Ядов, 1995: 167).

Исходя из анализа текущей политики российского государства и смены идентификационных матриц социальных групп представляет интерес, как происходит процесс перехода от актуальной локальной идентичности к общероссийской в массовом сознании россиян. С начала 2000-х гг. гражданская российская идентичность стала основой консолидации россиян, происходит её становление и закрепление (Сагитова, 2019). Социологами справедливо отмечается, что в результате проводимой государственной политики по реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой в 2012 г., а также опираясь на исторический опыт взаимодействия этнических общностей, можно свидетельствовать о формировании национальной гражданской идентичности¹.

Региональная идентичность выполняет функцию позитивной ассоциации, основана на повышенном интересе населения к истории, культуре, традициям народов, проживающих на территории региона. Региональная идентичность является двусторонним процессом – заинтересованности региональных органов власти в продвижении территории в условиях экономической конкуренции, привлечения инвестиций и необходимости формирования его положительного бренда с опорой на целостность, самоидентичность этнонациональных, социокультурных, территориальных идентификаций населения региона.

Концепт этнической идентичности широко разработан в отечественной социологической литературе с середины 1990-х гг. на фоне распада СССР и процессов демократизации в национальных регионах. Примордиальное чувство к этнической общности формируется на основе механизмов соотнесения индивида с определенной территорией, языком, религией, традициями, моделями поведения, которые выполняют символическую функцию этнической

¹ О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от

19 декабря 2012 г. №1666 // URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521> (дата обращения 13.03.2021).

идентичности. Этническая идентичность выражается в эмоциональном выборе своей этнической группы, особенно в условиях политической неопределенности. Одновременно этническая идентичность подвергается изменчивости на фоне глобальных процессов, приводящих к ассимиляции и стиранию самобытности культур, вместе с тем ядро ее сохраняется. С усилением межэтнических контактов, ростом влияния средств массовой информации и интернета этническая идентичность выступает ценностной опорой для многих людей, отождествляющих себя с этническим сообществом.

Опираясь на изучение источников, можно сказать, что обнаруживается недостаточное изучение в региональных исследованиях степени актуализации того или иного типа социальной идентичности, а также сам спектр различных типов идентичности в Республике Бурятия на фоне происходящих социально-экономических изменений.

Методология и методы исследования (Methodology and methods). Методологическая база основывается на данных эмпирического исследования, проведенного в 2018-2019 гг. социологической группой ИМБТ СО РАН. Методом анкетирования (самозаполнение) опрошено 900 чел. (2018г. – 500 чел. в городах Улан-Удэ, Северобайкальск, Кяхта; 2019г. – 400 чел. в Баргузинском, Еравнинском, Заиграевском, Кабанском, Тарбагатайском и Хоринском сельских районах республики), взято 24 глубинных интервью у экспертов по проблемам межэтнического взаимодействия. Выборка многоступенчатая, на последней степени отбора квотная (пол, возраст, образование, национальность). При определении генеральной совокупности и разработке выборки опирались на Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Анкетирование позволило получить результаты по оценке диспозиций, интересов, установок, формирующих ценности и идентификационные характеристики представителей разных национальностей в республике.

Глубинные интервью экспертов качественно дополнили формализованные ответы респондентов, участвующих в массовом опросе.

Предметом исследования стали уровни идентичностей населения Республики Бурятия, сравнительный анализ общероссийской, региональной, этнической идентичностей в ситуации социально-экономического кризиса в регионе.

Объектом исследования стали социальные группы, выделенные по различным основаниям от этнических до возрастных.

Поскольку в настоящее время разработаны специальные социологические и социально-психологические методы исследования идентичности, стоит обратить внимание, что инструментарий включал вопрос в анкете: «Как часто Вы можете сказать о том, что «Это – Мы» о представителях указанных ниже групп? (люди Вашего поколения; люди той же профессии; все граждане России; жители Бурятии; те, кто живёт в Вашем городе, селе; люди Вашей национальности; люди того же достатка, что и Вы; люди, близкие по политическим взглядам; люди моей веры; люди таких же взглядов на жизнь)» и поэтому изученные нами идентификационные характеристики социальных групп Бурятии имеют самую общую картину, требующую корреляции со специальным комплексным изучением идентичности.

В рамках социологического исследования изучались группы, фиксирующие типы самоидентификации жителей Бурятии. С опорой на методику Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН нами произведён количественный замер параметров идентификации по признакам: поколение, профессия, гражданство (Россия), регион (республика), тип поселения (город/село), национальность, уровень доходов, политические взгляды, вероисповедание, жизненные установки (Дробужева, 2018 а, 2018 б). Выбор респондентами идентичностей позволяет определить сте-

пень актуальной солидарности, меру конфликтного потенциала и уровень разобщённости.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Базовыми критериями идентичностей для населения РБ являются установки: «мы – граждане России» и «мы – жители Бурятии». В массовом сознании гражданская солидарность респондентов близка с общероссийскими показателями и находится на уровне 78,9%, что свидетельствует об устойчивости интеграционных настроений, доминировании ценностей патриотизма, прочности диспозиций «мы – россияне» (Дробужева, 2014). Фиксированную позитивную российскую идентичность ощущают 43,1% респондентов, а более трети опрошенных (35,8%) испытывают чувство единства «иногда». Отрицают важность гражданской солидарности 6,1% ответивших по всей выборке, затруднились с ответом – 12,6% и не дали ответа – 2,4%. Ядро общероссийской гражданской идентичности жителей Бурятии включает ассоциацию и эмоциональную связь с государством Российская Федерация, опирается на патриотические чувства и интегрирует все слои населения. Гражданская идентичность наиболее устойчива и подразумевает социокультурные ценности, религиозные и политические паттерны, закреплённые в российском обществе исторически.

Если рассматривать в национальном срезе, то мы обнаруживаем, что половина русских «часто» идентифицируют себя с гражданами России – 43,8%. Реже сближает чувство единства россиянами треть русских – 34,1%. Обратим внимание, что представители бурятской национальности равномерно определяют гражданскую идентичность «часто» и «иногда» – по 41,6%. То есть, у русских интеграционные установки сопоставимы с выборами всего населения, у бурят умеренная гражданская идентичность выражается чаще, чем у всех. По данным исследования, суммарные ответы представителей бурятской национально-

сти, фиксирующие позитивную гражданскую идентичность выше, чем у респондентов русской национальности (83,2% к 77,9%). Негативную общегражданскую идентичность транслирует меньшинство населения, представленное всеми этническими группами республики (от 4 до 7%). Отсюда следует, что конфликтный потенциал по отношению к государственно-гражданской ценностям минимален. Несмотря на формирующийся характер российской гражданской нации, как видим, её параметры по всей выборке не вступают в противоречие с региональной идентичностью, в отличие, например, от полиэтничных регионов Северного Кавказа (Авксентьев, Аксюмов, 2013) Этнокультурное многообразие Бурятии является залогом гражданского единства, и подавляющая часть населения имеет позитивную общероссийскую идентичность.

Региональная идентичность в рамках данного исследовательского проекта трактуется как принадлежность к территориальному сообществу, географическая и политико-символьная ассоциация с пространством региона, чувство единства с людьми, разделяющими ценности, культуру, традиции народов Республики Бурятия. Особенность региональной идентичности жителей Бурятии проявляется в уникальном жизненном стиле, связи с «малой родиной» и повседневных практиках, основанных богатейшем культурном наследии бурят, русских, семейских, эвенков. Наблюдается своеобразный парадокс: региональная идентичность опрошенных имеет позитивный вектор, несмотря на то, что население республики не получает от региона реализации достойного уровня жизненных притязаний в сравнении с большинством субъектов РФ. Предполагаем, что в структуре региональной идентичности по полученным данным содержится в большей мере ценностно-эмоциональный компонент, чем рациональный. Иначе бы не наблюдался регулярный отток молодёжи региона, маятниковая миграция трудовых сил, снижение качества человеческого капитала и другие стагнирующие факторы территории.

Следующее распределение переменных демонстрирует основания республиканской солидарности этнических групп в регионе. Очевидно, что актуализирована устойчивая региональная идентичность половины респондентов бурятской национальности (49,6%), реже определяющих себя жителями Бурятии составляет 37,2% бурят. Русских «часто» выражающих республиканскую идентичность меньше, чем бурят – 39,4%.

Несмотря на то, что количественно иноэтнических групп, представляющих о самих себе как о жителях Бурятии, намного меньше, чем у бурят и русских и по всей выборке, в совокупности (ответы «часто» и «иногда») таких симпатий составляет более половины из числа представителей других национальностей. Неслучайно, председатель Ассоциации народов Бурятии подчеркнула в глубинном интервью уникальность нашего региона, заключающегося в симбиозе культур: *«очень много смешанных браков, ассимиляция очень сильная, у нас многие – полукультуры (о татарах). Надо бы двумя корнями питаться»*. Эксперт утверждает, что нужно *«использовать ресурсный потенциал национально-культурных центров»* для повышения уровня региональной идентичности: *«Мы гордимся Бурятией, а делаем очень мало. Надо расширять линейку брендов, региональные, локальные, географические, гастрономические. Ни один другому мешать не будет»* (эксперт, руководитель общественной организации). Анализируя данное интервью, можно определить, что макроидентичности населения региона, включающего 130 национальностей, как имеют историко-культурный фон, так и переживают фазу становления в современных условиях продвижения этнокультурного многообразия в качестве положительного имиджа и бренда. В этом смысле государственная национальная политика опирается на различные форматы гражданского общества этнонациональной направленности (НКЦ, Ассамблея народов РБ, Дом Дружбы народов РБ и др.).

Таким образом, макроидентичности населения Бурятии демонстрируют достаточно высокий критерий сплочённости на гражданском и региональном уровнях.

Одной из разновидностей локальной идентичности является территориальная по типу поселения (мегаполис, город, село, посёлок городского типа). Четвёртое место в рангах актуализированных идентичностей населения Бурятии представляет городская / сельская идентичность. В опросе участвовали жители столицы региона – г. Улан-Удэ (генеральная совокупность – 582700 человек), г. Северобайкальск (ГС – 23183 человек), г. Кяхта (ГС – 20297 человек), а также изучены респонденты различных сёл, включая районных центров шести сельских районов республики. В структуре городского населения большая часть опрошенных составила выборка по г. Улан-Удэ (40%), в городах Северобайкальск и Кяхта по 8% от всего массива. Исследование показало, что ощущение принадлежности к городской и сельской общности у респондентов достаточно высокое. Постоянное ощущение городской идентификации наблюдается у свыше трети горожан – 36,6%. Сходная корреляция ответов у сельских жителей – 37,6%. Ситуационно определяют свою сопричастность с городским пространством 39,2% жителей трёх городов. 38,3% сельчан «иногда» демонстрируют проявление своих чувств территориальной принадлежности. Таким образом, установки городских и сельских жителей равномерны. Вместе с тем, четверть населения индифферентно выражает понимание своей сопричастности к «малой родине», месту постоянного проживания, что является показателем групповой разобщённости. Чувство отчуждения от локуса города у горожан выше в полтора раза, чем у сельских респондентов. Идентификационный локальный механизм положительной категоризации по этническому признаку у бурят, живущих в городской и сельской среде, выражен чуть сильнее, чем у русских и представителей других национальностей (41,2% к 35,9% и 32,6%, соответственно).

Таблица

Ранжированный ряд: Уровни идентичностей жителей Бурятии

Table

Ranked series: Levels of identities of the inhabitants of Buryatia

Ранг / Rank	Тип идентичности/ Identity type	%
I	Региональная (республиканская) / Regional (Republican)	79,1
II	Гражданская (мы-жители России) / Civil (we are residents of Russia)	78,9
III	Поколенческая / Generational	77,8
IV	По типу поселения (городская/сельская) / By type of settlement (urban/rural)	75,9
V	Профессиональная / Professional	66,6
VI	Этническая / Ethnic	65,8

Рассмотрим более подробно формирование этнической идентичности. В целом по выборке фиксация этнической принадлежности имеет средне выраженную частоту (шестое место в диспозициях идентичностей). Наиболее позитивно и «часто» соотносят себя с людьми своей национальности всего 27,1% опрошенных, то есть это группа тех, кто чётко акцентирует этничность. «Иногда» отдают предпочтения типологической этнической группе более трети респондентов – 38,7% ответивших. Данный показатель можно считать умеренным по значимости этнической сплочённости. 16,8% респондентов безразлично выражают важность этнических признаков. 13,9% опрошенных затруднились с ответом и 3,6% не дали ответа. Более трети участников опроса – 34,3% (суммарно ответы «никогда», «затрудняюсь ответить», «нет ответа») не придают смысла внутригрупповой этнической солидарности, что подтверждает стабильный уровень межэтнического согласия в республике. Полученные результаты выбора этничности как фактора идентичности жителями республики демонстрируют замещение этнического фактора другими основаниями социальной солидарности.

Третья часть бурят (35%) определяет свою этническую принадлежность постоянно (внутри своей группы). Почти поло-

вина опрошенных бурят фиксируют умеренные оценки, выражая этничность в определённых случаях – 45,6% ответов «иногда». Данный показатель интересен тем, что титульный этнос Бурятии демонстрирует позитивные установки на значимость этнического статуса, но ситуационно. Выраженный ситуационный характер бурятской идентичности, в частности, проявляется в период общественных слушаний и интернет-дискуссий по поводу установки памятников, театральные постановки, материалов СМИ, вызывающих широкий резонанс, т.е. событий, связанных с этнокультурными проектами, оценкой исторического наследия или в ситуации политической конъюнктуры. Обратимся к мнению эксперта: «этничность – это, в первую очередь, эмоциональное чувство принадлежности к группе. И только во вторую очередь это знание о культуре, историческая память, их может вообще не быть, ни знаний этих особых, особенно у горожан. И, тем не менее, вот главенствующее – это чувство принадлежности к группе. И чувство это мобилизуется, мне не нравится слово «политизация», потому что политика – это борьба за власть, тут не о том идет речь. Мобилизуется каждый раз, когда какой-то паритет, какой-то статус-кво нарушается. И в 90-е годы, простите, с конца 80-х, конечно, у нас была ситуация вот этого нарушения некоего баланса,

нарушение стабильности, статус-кво» (эксперт, научный сотрудник).

Четверть опрошенных русских (24,3%) «часто» соотносят себя с представителями своей национальности и более трети (36%) признают важность своего этнического статуса «иногда» внутри своей группы. Необходимо отметить, что интеграционные характеристики русского населения в Бурятии имеют особые черты в отличие от русских, живущих в других регионах России. Тот факт, что русские в Бурятии имеют местные этнокультурные особенности в ходе исторического взаимодействия с титульным этносом и не придают значения выделению примордиальных свойств прослеживается в открытых формулировках ответов анкеты: «наши русские по характеру, менталитету отличаются от русских жителей других областей», а также в глубинном экспертном интервью: «мы очень любим говорить, что у нас такая толерантная республика, что у нас такие прекрасные отношения...иногда это воспринимается также как такой постоянный фактор, и даже знак, как 350 дней солнечных дней в республике... Все эти толерантные отношения сложились в результате сочетания очень многих достаточно сложных исторических причин в течение длительного времени» (эксперт, научный сотрудник).

Для представителей других национальностей, живущих в Бурятии, акцентирование своей этнической принадлежности актуально для четверти опрошенных (25,6%). Ситуационно этническая идентичность проявляется у 41,9% инонациональной группы. Как видим, это соотношение позитивной этнической идентичности несколько выше, чем у русских. Экспертами отмечается, что в последние годы в республике с изменением национального состава населения отмечаются нюансы самопозиционирования и самоидентификации других национальностей, выделяемые, в том числе в зависимости от возраста: «На мой взгляд, очень интересная сейчас такая ситуация, мы привыкли, что межэтнический

конфликт мы воспринимаем в плоскости русских и бурят во многом, сегодня во многих учебных заведениях, в школах появляется многочисленный слой других национальностей. Внутри, в отдельном классе, в отдельной студенческой группе, проблем может не быть, но когда, например, выходит это ребёнок из своего класса, своей группы, уже он встречается с негативными проявлениями в отношении себя. На юридическом факультете (БГУ) было очень много выходцев с Кавказа. Они рассказывали, что в группе всё нормально, в университете тоже более-менее, но стоит только куда-то выйти, куда-нибудь или куда-то приехать, допустим, на Олимпиаду, мы всегда встречаемся с тем, что мы – другой национальности, ощущаем себя чужими, и мы не ощущаем себя дома. Поэтому, во-первых, наверное, необходимо развести вектор, в каком мы смотрим на эти противоречия: русские и буряты или это другие национальности, межэтническая нестабильность. И второе. Наверное, от возраста зависит опять же» (эксперт, специалист в сфере образования). Действительно, данные массового опроса обнаруживают, что среди тех, кто часто и иногда выбирал этническую идентичность, выявляется молодёжь. Чем старше возраст респондента, тем менее актуальной является основание этнической солидарности, и наоборот, чем моложе, тем более выраженным происходит проявление этнических чувств.

Заключение (Conclusions). Итак, на основе анализа спектра идентичностей жителей Бурятии выяснены актуальные социальные аффилиации, главными из которых являются региональная и российская идентичности. Высокий уровень государственно-гражданской солидарности позволяет судить о вовлечённости в российские интеграционные проекты и потенциале формирующегося концепта «российская нация». Мощным маркером и возможным ресурсом развития территории является республиканская идентичность населения.

В качестве близкой общности для социальных групп РБ являются поколенческие, территориальные (город / село), профессиональные образования, которые характеризуют прочность традиционных и локальных связей в регионе, обеспечивающих потребности в общении и самореализации, но в то же время свидетельствуют о неустойчивости групповых интересов по основаниям: «религиозность», «достаток», «политические интересы». Этническая идентичность, занимающая срединное место в диспозициях идентичностей, является индикатором общероссийских интеграционных процессов и устойчивой базисной солидарностью жителей Бурятии.

Список литературы

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31-37.

Дробизжева Л. М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119-129.

Дробизжева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100-115.

Дробизжева Л. М. Российская общегражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 4 (43). С. 324-336.

Климова С. Г. Стереотипы в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13-22.

Ковалёва А. И. Разновидности социальной идентичности: подходы и классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89-103.

Сагитова Л. В. Политика идентичности и её акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: Автореферат диссертации на соискание учёной степени д-ра полит. наук. Калининград, 2019. 38 с.

Черняев И. В. Региональная идентичность и формирование «позитивного» имиджа

региона: к вопросу о теоретико-методологических основаниях политики регионального развития // Вестник российской нации. 2015. № 3 (41). С. 196-204.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. 1995. № 3-4. С. 158-181.

Bauman Z. Soil, Blood, and Identity // Sociological Review. 1992. Vol. 40. Pp. 675-701.

Bornman E. Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold // Communication. 2003. Vol. 29, № 1-2. Pp. 24-47.

Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationalism and the National Question in the New Europe. Cambridge, UK, 1996.

Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity" // Theory and Society. 2000. Vol. 29, № 1. Pp. 1-47.

Friedmann J. Order and disorder in global systems: a sketch // Social research. 1993. Vol. 60. № 2. Pp. 205-234.

Eisenstadt S.N., Giesen B. The construction of collective identity // Archives Europeennes De Sociologie. 1995. № 1 (36). Pp. 72-102.

Marc E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la société. P., 2009. Pp. 5-20.

Stets J. E., Serpe R. T. Identity theory // Hand book of social psychology. 2013. Pp. 31-60.

References

Avksentiev, V. A., Aksyumov B. V. (2013), "Russians: from civil to civilizational identity", Nauchnjamysl' Kavkaza, (4), 31-37. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2014), "Ethnic solidarity, civil consolidation and prospects of interethnic harmony in the Russian Federation", Obshhestvennye nauki I sovremennost', (1), 119-129. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2018a), "Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness", Polis. Politicheskie issledovaniya, (5), 100-115. (In Russian)

Drobizheva, L. M. (2018 b), "Russian general civil identity in scientific and political discussions and public opinion", Voprosy natsional'n'ykh i federativnykh otnoshenij, 8 (4), 324-336. (In Russian)

Klimova, S. G. (2000), "Stereotypes in the definition of "ours" and "strangers"", Sociologicheskie issledovaniya, (12), 13-22. (In Russian)

Kovaleva, A. I. (2019), "Varieties of social identity: approaches and classifications", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 89-103. (In Russian)

Sagitova, L. V. (2019), "Identity politics and its actors in the context of social transformation in the Republic of Tatarstan", *Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences*, Kaliningrad, 38. (In Russian).

Chernyaev, I. V. (2015), "Regional identity and the formation of a "positive" image of the region: to the question of the theoretical and methodological foundations of the policy of regional development", *Vestnikrossijskojnacii*, (3), 196-204. (In Russian).

Yadov, V. A. (1995), "Social and socio-psychological mechanisms of the formation of a person's social identity", *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*, (3-4), 158-181. (In Russian).

Bauman, Z. (1992), "Soil, Blood, and Identity", *Sociological Review*, 40, 675-701.

Bornman, E. (2003), "Struggles of identity in the age of globalization: searching for anchors that hold", *Communication*, 29 (1-2), 24-47.

Brubaker, R. (1996), *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge, UK.

Brubaker, R., Cooper F. (2000), "Beyond "identity"", *Theory and Society*, 29 (1), 1-47.

Friedmann, J. (1993), "Order and disorder in global systems: a sketch", *Social research*, 60 (2), 205-234.

Eisenstadt, S. N., Giesen, B. (1995), "The construction of collective identity", *Archives Europeennes De Sociologie*, 1 (36), 72-102.

Marc, E. (2009), "La construction identitaire de l'individu", *Identité(S). L'individu, le groupe, la société*, 5-20.

Stets, J. E., Serpe, R. T. (2013), "Identity theory", *Handbook of social psychology*, 31-60.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2021 г. Поступила после доработки 30 мая 2022 г. Принята к печати 03 июня 2022 г.

Received 30 October 2021. Revised 30 May 2022. Accepted 03 June 2022.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Дашибалова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии» Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия.

Irina N. Dashibalova, Candidate of Philosophical Sciences, senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Ulan-Ude, Russia.